

Иллюстрации: ОВД-Инфо

16.01.2019, 11:13 [Вся Россия](#)

СТАТЬИ

Почему активистов и адвокатов не пускают на заседания и как с этим бороться

Темные дела лучше творятся за закрытыми дверями — так характеризуют адвокаты поведение сотрудников российских судов. Право пройти на открытое заседание есть у любого, но оно часто не соблюдается, если речь идет о резонансных делах. ОВД-Инфо спросил тех, кто столкнулся с противодействием, в чем причина и как отстаивать соблюдение закона.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

[ПОДПИСАТЬСЯ](#)

«НА ЗАСЕДАНИИ НИ РАЗУ ПОБЫВАТЬ НЕ УДАЛОСЬ»

Дзержинский районный суд Петербурга прославился своей закрытостью у тех, кто пытался в него попасть — в основном, это касается резонансных дел. В октябре здесь продлевали меру пресечения трем фигурантам [дела «Сети»](#). На процесс пришли около 30 человек, но им заявили, что заседание будет закрытым, и отправили всех в коридор. На предварительное заседание и оглашение решения тоже не пустили — хотя это по закону должно проходить открыто.

Все предыдущие заседания по делу «Сети» в этом суде тоже так и не стали публичными: людей либо пускали только на предварительную часть, либо выгоняли. Фотокорреспондент Давид Френкель удостоился повышенного внимания приставов — его [спустили](#) с лестницы и разбили очки.

«Помощнице председателя суда, или ему самому через нее, не понравился шум в коридоре, — рассказывает журналист. — Мне поставили в вину, что я хлопал, кричал, провоцировал толпу на противоправные действия. Суд по этому протоколу (по статье 17.3 — неисполнение распоряжений судьи или судебного пристава — *ОВД-Инфо*) мы выиграли: понятно, что я ничего не кричал, а хлопать с камерой в руках вообще невозможно».

Пусть на заседание или нет, говорит журналист, зависит от дела. Если процесс «неприятен для суда», неважно, открытое заседание или нет — проблемы с проходом на него будут.

По его наблюдениям, приставы — просто исполнители. Сами по себе они могут помешать съемке, толкнуть или загородить собой объектив камеры. Инициатива закрыть двери и выгнать людей с заседания исходит от сотрудников суда — например, Френкеля спустили с лестницы после требования помощницы председателя Елены Красоткиной «кого-нибудь уже задержать».

«Иногда они вообще подчиняются приказам присутствующих полицейских. При мне командовали приставами и сотрудники конвоя, и вообще посторонние сотрудники в штатском. Обычно приставы не имеют никакого представления о законодательстве, так что просто выполняют приказы, как умеют. Сказали не пускать — не пускают, сказали задержать — задерживают. Потом в коридоре могут извиниться, „вы же понимаете“, пытаться вести дружеские беседы. Мол, мы сами нормальные, приказ такой», — рассказывает Френкель.

НЕ ТОЛЬКО СЛУШАТЕЛИ И ЖУРНАЛИСТЫ

Адвокат из Красноярска Евгений Баранников **подал** на пристава в суд после того, как его выгнали из зала заседания. В этой тяжбе он дошел до Верховного суда, но результата пока нет.

Баранников должен был встретиться со своим подзащитным по уголовному делу для предварительной

беседы перед заседанием. Пристав зашел в зал, когда защитник еще был там один, и предложил ему выйти, а затем впустил в помещение прокурора. Адвокат так и не смог попасть обратно. Баранников говорит, что в это время прокурор мог оказать давление на его подзащитного.

По всем жалобам пришли отказы, обращения в суд тоже ничего не дали, сам пристав на заседаниях не появился. Ни в одном отказе не объяснялось, почему его действия сочли обоснованными. Сначала говорили, что пристава нужно слушаться, потом — что он обеспечивал безопасность.

«Они исходят из того, что раз пристав наделен законом такими полномочиями, он вправе их реализовывать. Как он это должен делать — по своему усмотрению? А ответы содержат установку: берите и подчиняйтесь. Почему должен подчиняться адвокат, а прокурор нет — ответа не было», — рассказывает Евгений. Он обжаловал решения в апелляционной, а потом и в кассационной инстанции, и снова получил отказы, причем с нарушениями. Теперь адвокат собирается обращаться в Верховный суд.

«Я смотрел и по Красноярскому краю, и по России, и подобных дел не встречал. Я не слушатель, я не статист, я пришел выполнять профессиональный долг. Я равноправный участник заседания, который профессионально приставлен к подсудимому, чтобы защищать его права», — говорит он.

ЧТО Я ХОЧУ, ТО И РЕГЛАМЕНТ

Настоящие виновники нарушений — судьи, считает адвокат Михаил Беньяш. В мае в Первомайском суде Краснодара его **вытолкали** из зала заседания. Защитника

выбросили через рамку металлоискателя так, что техника упала и разбилась. После этого Беньяша обвинили в умышленном повреждении имущества.

Адвокат защищал интересы участников акции «Он нам не царь» — на заседании по административному делу он огласил ходатайство о том, чтобы в зал пустили слушателей. Процесс был открытым, но судья заявил, что никаких слушателей нет, и решил удалить адвоката из зала. Тот назвал требование незаконным, и его выставили силой. Михаил попытался пройти на процесс несколько раз. Последнюю попытку квалифицировали по части 1 статье 294 УК (воспрепятствование осуществлению правосудия). В декабре это обвинение сняли и **завели** на адвоката дело по статье 318 УК (насилие в отношении полицейского).

«Тот факт, что заход в зал судебного заседания квалифицирован как преступление, конечно, шокировал адвокатское сообщество, потому что все они делают это каждый день», — говорит Беньяш.

На полицейских, которые выгоняли адвоката, подали заявление о возбуждении уголовного дела. В ответ пришел отказ. В нем **говорится**, что Беньяш во всем виноват сам:

«Они (конвойные — *ОВД-Инфо*) преградили ему путь в зал судебного заседания, на что тот умышленно оттолкнулся от них и упал на рамку стационарного металлообнаружителя, с целью ее опрокинуть, результатом таких действий стало совместное падение Беньяша М. М. и вышеупомянутой рамки на ступеньки лестницы».

По словам защитника, судьи зачастую сами не знают регламент, и считают, что могут решать, что запретить:

«что я хочу, то и регламент».

«Есть такая вещь, как **регламент** о поведении посетителей в судах, утвержденный Советом судей Российской Федерации. Это типовый документ, а окончательные правила определяют сами председатели судов, и тут уже идет веселуха. Например, нельзя заходить в суд в шортах или в открытой обуви — это хотелки председателя, он считает, что так правильно. Или запрещено фотографировать и проводить видеозапись в коридоре, можно только с разрешения председателя краевого суда. При этом процессуальные законы говорят о том, что это на процессе можно с разрешения, а в коридоре почему запрещено?».

ПРИКАЗ, КОТОРЫЙ НИКТО НЕ ВИДЕЛ

Помимо сотрудников суда и приставов, помешать попасть на заседание могут сотрудники конвойной службы — полицейские. Они могут запретить, по словам адвокатов, что угодно, ссылаясь на внутренний приказ с грифом ДСП (для служебного пользования), закрытый от всех.

«Приставы, конвоирование — у всех разные нормативно-правовые акты, регулирующие их работу, — говорит адвокат „Команды 29“ Евгений Смирнов. — Если у приставов это правила внутреннего распорядка в конкретном суде и непосредственно указания судей, то у конвоирующих — приказ под грифом ДСП. Свое беззаконие они объясняют его требованиями, а судьи не вмешиваются, говоря, что полиция им не подчиняется. Фактически они препятствуют осуществлению защиты в ходе заседания».

Ссылаясь на «секретный» приказ, полицейские запрещают

адвокатам передавать документы подзащитным (все бумаги должны быть просмотрены), разговаривать с ними, обмениваться заявлениями и ходатайствами, подходить близко к клетке в зале. Самому Смирнову весной 2018 года в Невском районном суде Петербурга приставы **угрожали** сломать руки и не пускали к подзащитному. На заседании по продлению меры пресечения **саентологам** (в Петербурге последователей саентологии обвиняют в создании экстремистского сообщества и незаконном предпринимательстве — *ОВД-Инфо*) они выгнали всех слушателей и еще не допрошенных свидетелей. Защитники пытались поговорить с подсудимыми, но их силой с угрозами вытолкали, заявляя, что делают это с разрешения председателя суда. Смирнов отмечает, что от нарушений не застрахована ни одна подобная инстанция.

«Даже в Верховном суде совершенно жесткое разделение — туда невозможно зайти без сопровождения сотрудника, нельзя попасть по удостоверению адвоката, только с паспортом. Даже определенными помещениями, например, столовой, защитники в Верховном суде пользоваться не могут. В прошлом году президент Федеральной палаты адвокатов сообщал, что эта проблема решена. Через неделю на месте я понял, что это не так».

«ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО КАЖДЫЙ МОЖЕТ ПРИЙТИ И ПОСЛУШАТЬ ДЕЛО ПРОСТО ТАК?»

Заседания могут случиться ночью, в выходные или праздники. Особенно часто такое бывает после массовых акций протеста, когда устраивается судебный конвейер и на рассмотрение одного дела из десятков может уйти несколько минут. Группа помощи задержанным

в Петербурге часто сталкивалась с недопуском на заседания в ночное время — после окончания рабочего дня здания судов закрываются на вход. Теперь у защитников есть алгоритм, рассчитанный специально на такие случаи.

«Мы подаем заявления с утра, если понимаем, что задержанных много и до конца рабочего дня всех рассмотреть не успеют. Когда мы понимаем, что близится „час икс“, составляем заявление на имя председателя суда. В заявлении указано, что мы будем защищать конкретных задержанных и просим обеспечить наше присутствие для реализации их права на защиту. Это — документ, здесь недопуск может даже стать основанием для отмены решения по задержанному. Грубое нарушение приведет к новому рассмотрению дела», — говорят в Группе помощи задержанным.

После протестов 12 июня 2017 года городские суды за закрытыми дверями вели процессы над задержанными, не пропуская не только публику, но в некоторых случаях и защитников. В мае 2018 года после акции «Он нам не царь» ситуация повторилась. На процессы пытались попасть и волонтеры **проекта** по мониторингу открытости судов, который проводился с участием аппарата Уполномоченного по правам человека в Петербурге. В рамках исследования привлекли студентов, чтобы те проверили, как инстанции соблюдают свои же правила. Нарушения в нерабочее время волонтеры в итоговом отчете назвали типовой практикой. Двери были закрыты, на многие заседания не пускали адвокатов, но Объединенная пресс-служба петербургских судов отчитывалась, что за это время было рассмотрено более 200 материалов на активистов и назначили им аресты и штрафы.

В отчете, который участники проекта по мониторингу открытости судов 30 ноября **представили** представителям судов, службы приставов, полиции и Росгвардии, отмечен и недопуск с задержанием Давида Френкеля на процесс по делу «Сети», и грубость сотрудников судов по менее громким делам.

«Меня несколько раз спрашивали, кто я, — говорит в отчете одна из участниц проекта, которая пыталась посетить открытый процесс в Колпинском районном суде. — На мой ответ, что я слушатель, секретарь уходила спрашивать разрешение у судьи на мое присутствие во время процесса. В том числе секретарь задала мне следующий вопрос: «Вы что, считаете, что каждый может прийти и послушать дело просто так?»»

В другом суде слушателям объявили, что заседание будет закрытым: «Секретарь была очень удивлена, когда мы спросили у нее, почему нигде не указывалось, что дело закрытое: «А зачем и для кого это должно указываться?» Еще одного волонтера назвали «странной» и заявили, что все нужно согласовывать, а она живет «в каком-то идеальном мире»».

КТО ВИНОВАТ

Защитники в один голос говорят о здравом смысле и Конституции — у гражданина есть право пройти в рабочие помещения органов государственной власти и присутствовать на открытых заседаниях. Максимальная огласка и борьба с незаконностью требований — главное оружие в защите своих прав. Самым большим страхом судей, по мнению адвокатов, стала не возможность неверного решения, а публичность их работы.

«Яркий случай в Благовещенске: судья **уснул** на процессе, — говорит Беньяш. — Какой вывод из этого

сделало судейское сообщество? Не о том, что нельзя спать на процессе, а о том, что нельзя видеокамеру разрешать и телефоны. При записи судья процесс не контролирует, ситуация неизвестно чем закончится. Они боятся, что-то выйдет в паблик. Мантии лишусь не потому, что спал, а потому, что в паблик вышло».

«Если ты на заседании только один из СМИ и тебя выгоняют, то шансов попасть вообще никаких нет, — говорит Давид Френкель. — Можно сколько угодно жаловаться и звонить, всем все равно. Если приходит много коллег, иногда помогают звонки в пресс-службу, но наши жалобы тоже часто игнорируют — недопуски на открытые заседания даже удивления не вызывают».

«Первопричина в том, что грязные дела любят темноту, — уверен Евгений Смирнов. — Правоохранительные органы и суды понимают, что творят беззаконие, и пытаются его скрыть, в том числе такими способами. Вы имеете право идти слушателем на заседание. Регламент не может запрещать ведение аудио- и видеозаписи — это предусмотрено процессуальным законом. Аудиозапись можно вести без разрешения всегда, кроме случаев со сведениями, составляющими тайну. Фото- и видеосъемка ведется с разрешения — здесь запрет противоречит основным законам страны, суд — это общедоступное место».

ЧТО ДЕЛАТЬ

По словам защитников, нужно руководствоваться законами и не спускать все на тормозах. «Есть два закона. Первый — **о СМИ**, который гарантирует право посещать государственные органы, в том числе суды. Второй — **об обеспечении доступа** к информации о деятельности российских судов. Он гласит, что и журналисты, и простые граждане вправе проходить в суд и быть слушателями

открытых заседаний, — объясняет Евгений Смирнов. — Кроме того, процессуальными кодексами устанавливается процедура участия слушателей в заседании, там говорится, что только в исключительных случаях, для сохранения тайны, заседания могут проводиться в закрытом режиме. Если таких оснований не было, это уже настолько грубое нарушение, что может стать основанием для отмены решения суда».

Если пристав выгоняет с заседания и это объективно незаконно — нужно подавать жалобу на его действия вышестоящему начальству, в прокуратуру, и в коллегия судей на действия судьи, который давал указание приставу. Если полицейские не пускают защитника к обвиняемому — адвокат советует не выполнять их требования по «секретному» приказу: «Законы говорят о том, что не может документ, ограничивающий права граждан, иметь гриф ДСП. Если у них есть такой документ, пусть он будет опубликован. Пока это не сделано, я руководствоваться им не буду». Что касается недопусков в суд в выходные, по ночам или в праздники, когда дела рассматриваются, — это явное нарушение. Законы не привязывают посещение к рабочему или нерабочему времени.

Случаи, когда на желающих пройти на заседание собираются составлять протокол о невыполнении требований председательствующего, на самом деле людям на руку, говорит Михаил Беньяш. «Нужно настаивать, чтобы этот факт оформлялся протоколом. В чем прелесть: вы можете участвовать в его составлении, делать заметки, высказать свою позицию, предать его огласке, это легальная фиксация события. Люди боятся, а зря — там штраф всего 5 тысяч рублей. Необходимо оформлять и жаловаться до последнего. Ты имеешь право зайти на процесс: защитник ты, родственник, слушатель —

ты должен зайти, состояние борьбы помогает добиться того, чтобы подобное не повторялось далее».

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ